

НИЧЕГО, **КРОМЕ** ПРАВДЫ

**ЕКАТЕРИНА
БЕРЕСЛАВЦЕВА**
повесть

16+

Екатерина Береславцева
Ничего, кроме правды

«Автор»

2020

Береславцева Е.

Ничего, кроме правды / Е. Береславцева — «Автор», 2020

Как быть, если грань между жизнью и сном оказалась настолько размытой, что отделять ночные грёзы от реальности стало невозможно? Конечно же, пользоваться случаем и нырять в объятия Морфея за позитивными или наоборот – мрачными и зловещими впечатлениями. Ну или отправляться на поиски того, кто наловчился проникать в чужие сновидения, чтобы внедрять в сознание спящего совсем не безобидные идеи. Именно таким даром обладает Софья Стрелецкая, днём работающая врачом в городской поликлинике, а вечерами кочующая по снам незнакомцев, на которых указал заказчик. И купаться бы предприимчивому медику в деньгах и славе, не случись в отлаженной системе сбой и не свались на Сонину голову нахальный кареглазый дегустатор да таинственный владелец винного бизнеса...

© Береславцева Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Береславцева

Ничего, кроме правды

Глава 1

– Ой, это вы?! А это я... вам сегодня снилась...

Нет, я не собиралась произносить эти слова, честное слово! Всё получилось совершенно неожиданно – не только для застывшего передо мной человека, секунду назад выскочившего из подворотни, но и для меня самой.

– Я не понял...

Он нахмурился, взгляделся в моё лицо, скудно освещаемое фонарём, и помрачнел ещё больше. Узнал! – поняла я.

– Вы только не пугайтесь, пожалуйста! Понимаете, всё дело в том, что...

И вот тут произошло то, что напугало меня саму. Он вдруг схватил меня за руку – крепко, не вырвешься! – и потащил туда, откуда появился минуту назад. В чёрную пасть подворотни без единого намёка на свет.

– Ой, – пискнула я, с детства боящаяся темноты до судорог. – Куда вы меня тащ-щ-щ...

– Чш-ш-ш, – таким страшным голосом прошипел он, что все слова разом улетучились из моего рта, оставив после себя тягучую тошнотворную горечь. И только где-то далеко билась в моей голове слабая мысль: «Сама виновата, сама. Сама-а-а...»

Мрак гулких сводов сменился лёгким просветом незнакомого двора. Прямо перед нами моргала тусклая лампочка, нехотя освещавшая единственный подъезд чужого дома. Впрочем, для моего спутника этот дом чужим уж точно не был – уверенно направился он к двери, и так же уверенно щёлкнул замок под его пальцами, открываясь.

– Послушайте... – попыталась было дёрнуться я, но безуспешно. Его хватка была сродни неумолимым тискам на запястьях приговорённого к пыткам.

Путь вверх показался мне бесконечным.

Ярко-красное пятно дверной обивки смешалось с кровавыми брызгами гнева в моих глазах.

Тяжёлая дверь, в которую меня бесцеремонно втолкнули, впечаталась мне в спину, заставив с криком негодования пролететь через мрачное помещение прихожей и приземлиться на пороге – на пороге между светом и темнотой.

Свет и темнота. Добро и зло. Сон и явь...

– Ну, чего расселась, убогая? Шевели отростками!

– Сам ты отросток, малохольный! – огрызнулась я, но его приказу последовала и, с трудом поднявшись на ноги, проковыляла пару метров вперёд.

– Поговори у меня!

Впрочем, в голосе похитителя особой угрозы мне не услышалось. Усталость – да. Возможно даже – лёгкая растерянность. Но не та, что вызывает в человеке агрессию.

Я огляделась, стараясь не встречаться с ним глазами.

Комната, в которой я очутилась не по своей воле, ничем не отличалась от обычных жилых помещений, виденных мной сто тысяч раз, кроме одного, но весьма существенного факта – она была мне знакома! Каждой деталью своей, каждой чёрточкой, каждым изгибом пространства... И ковёр этот на полу ярко-синего цвета, и белый бумажный светильник, похожий на спящий цветок лотоса, и накрытое клетчатым пледом кресло-качалка, и высокий книжный шкаф, и даже диван с изогнутой деревянной спинкой... Диван почему-то потряс меня особенно. Как

будто не раз я уютно дремала в его плюшевых объятиях, или мирно читала, обхватив руками ноги, или просто довольно мурлыкала, уткнувшись носом в горячее плечо того, кто...

– Ну! – жёстко вывели меня из хаоса мыслей. – Кто ты такая?

– Я? – я помотала головой, надеясь восстановить прежнее спокойствие. В ушах тоненько зазвенело. – Я Софья.

– Твоё имя меня не интересует!

– Почему? Ведь всё дело как раз в имени...

– В каком это смысле? – Он переступил с ноги на ногу, а затем решительно взгромоздился на стул задом наперёд и обхватил руками высокую спинку. – Сядь, не маячь перед глазами!

Я помедлила, выбирая между креслом и диваном, и всё же опустилась на диван, сев на самый его краешек. Знакомые ощущения, но об этом сейчас думать не стоило.

– Понимаете... Вот если бы я была Светой, к примеру, или какой-нибудь там Зинкой, всё было бы иначе. Нет, ничего бы, наверное, не было вообще!

– Чего бы не было? – он помолчал, внимательно всматриваясь в моё лицо. Затем сказал, словно через силу: – И всё-таки это ты.

– Я, – вздохнула я. И пожала плечами – мол, что поделать, если поделать нечего, если как ни крути и ни рассматривай всё через самое огромное увеличительное стекло, ничего не изменится... Беременность сама не рассосётся, как сказала бы моя бабка, придётся рожать.

Придётся...

– Кофе хочешь? – неожиданно спросил он, и я, вздрогнув, быстро кивнула. Хотя кофе в такое позднее время я не пила. Никогда!

Он вскочил.

– Тогда идём.

– Да я лучше здесь подожду...

– Шагай, я сказал.

Он пропустил меня вперёд, и, спотыкаясь, я направилась в сторону кухни, интуитивно (?!) почувствовав, за каким из поворотов она скрывается.

– Сядь и не двигайся.

– Давайте я сама... сварю.

– Давай ты помолчишь! – поморщился он, словно от какой-то боли, и тут только, кинув на него более долгий взгляд, чем прежде, я заметила косую красную линию, спускающуюся с его скулы к шее. Рана явно была свежей, уж я-то в таких вещах понимаю. И это понимание подтолкнуло меня к следующим действиям, совершённым абсолютно автоматически.

– Эй, ты куда?!

Прежде чем он успел подскочить ко мне, я уже достала из верхнего ящичка настенного шкафа белый пластиковый флакон и упаковку салфеток.

– У вас кровь, я обработаю рану, – мягко, но решительно сказала я.

– Ты... – мои руки были крепко перехвачены твёрдыми сухими пальцами, а в лицо уставился немигающий взгляд карих глаз.

– У вас кровь, – повторила я терпеливо. – Нужно продезинфицировать, чтобы не было заражения, понимаете?

Схватка взглядов продолжалась минуту, не меньше. Наконец он нехотя разжал пальцы, а я невозмутимо отвинтила крышечку, брызнула перекисью водорода на салфетку и промокнула рану. Испытание он выдержал с честью, даже не дёрнулся, только глаза стали ещё темнее.

– Неудачно побрился... – произнёс он слегка неуверенно, хотя никаких пояснений от него я не ждала.

Я молча кивнула. Охота держать меня за дурочку – пожалуйста. В сущности, мне плевать на его причины говорить неправду, сегодня я здесь, а завтра забуду об этом нелюбезном типе навсегда.

– Сядьте, я сама сварю кофе.

– Ладно, валяй, – в его голосе я услышала даже некое любопытство.

Он опустил на табуретку, а я принялась за готовку, ни на миг не забывая об устремлённом на меня неусыпном взгляде. Руки действовали словно сами по себе, в голове же возникали, кадр за кадром, фрагменты сегодняшнего сна. Я видела чёрные следы на снежной тропинке, тёмно-вишнёвый бокал с тонким золотистым ободком и лёгкую дымку облака на горизонте. И звуки – звуки песни кружились не умолкая, задавая пронзительно-печальный тон всему сюжету.

– Откуда ты знаешь...

– Что? – вынырнула я в действительность.

– Что я люблю кофе с корицей?

Я лишь пожала плечами, усаживаясь напротив него. А правда – откуда я знаю?

– Просто я тоже люблю с корицей, вот и сделала... автоматически.

– Ты, похоже, не только кофе автоматически делала... – он изучающе всматривался в моё лицо.

Я опять пожала плечами.

– Как будто не ты у меня в гостях, а я. Ну ладно, можно догадаться, что столовые приборы лежат в выдвижном ящике, но как ты узнала, что корица находится в солонке? У тебя же ни тени сомнения не возникло, когда ты сыпала её оттуда в чашку!

– А я, значит, у вас в гостях? – съязвила я. – Хорошенькое дело! Вот, значит, как теперь в гости зазывают – с помощью насилия и угроз!

– Не цепляйся к словам! Ладно, хлебай своё варево и мне не мешай. Потом решу, что с тобой делать. Склониться за едой – только желудок портить!

Я и заткнулась. Только никто мне не запрещал держать открытыми глаза, чтобы хорошенько рассмотреть человека, сидящего напротив. А посмотреть, я вам скажу, было на что! Ещё ночью, во сне, я обратила внимание на кареглазого светловолосого незнакомца, который стоял рядом с объектом, ради которого, собственно, и затевался весь спектакль. Кем они приходились друг другу, я не поняла, да мне и не нужно было это знать для моих задач, но блондин в строгом тёмно-сером костюме очень сильно мне мешал. Просто сбивал с толку, отвлекая внимание на себя. Чем отвлекал? Во-первых, своей весьма колоритной внешностью, которая легко могла бы принадлежать какому-нибудь флибустьеру, искателю шальной удачи. Длинная чёлка, спадающая на левый глаз, и выбритый правый висок, от которого спускалась вниз ухоженная полоска бакенбардов, круглая цыганская серьга в правом ухе и «тоннель» в левом – всё вкуче это, конечно, производило сильное впечатление. Но было в нём ещё что-то такое, что заставляло вздрагивать каждый раз от его пристального взгляда, от выражения холодной угрозы – нет, не прямолинейной угрозы даже, но ясного предчувствия, что от этого человека можно ждать чего угодно. И, в то же время, просматривалась рядом с этой жёсткой линией и смягчала её одна особенность – в самой глубине незнакомца пряталось что-то такое живое, дерзкое, весёлое и легкомысленное, которое всем, кто мог почувствовать это, словно говорило: «Жизнь – это просто Игра. Да, да, забавная, моментами милая, порою чудовищно опасная, но – игра...»

Такие ощущения я вынесла из сна, а в реальности они обострились, став более объёмными и весьма осязаемыми.

– Что, нравлюсь? – хмыкнул он, не поднимая глаз от чашки.

– Нет! – выпалила я, не успев подумать над ответом.

– Ты мне тоже!

Взгляд его тяжёлой гирей обрушился на меня, но, к счастью, ненадолго, ибо в этот момент кто-то громко и настойчиво позвонил в дверной звонок. Я вздрогнула от неожиданности, а хозяин нахмурился.

– Кого это принесло...
– Ещё одни гости, – ехидно пропела я, внутренне напрягаясь.
– Незванный гость хуже татарина, – буркнул он и встал. – Пойду гляну, а ты смирно седи, чтоб даже не пикнула, поняла?
– А вы мне для надёжности затычку в рот засуньте...
– Не нарывайся, детка, – осадил мою весёлость он. – А то сама знаешь, что и куда можно засунуть.

– Ладно-ладно, я пошутила!
– В гробу я такие шутки видал. В твоём – прослеживаешь мой намёк?
– Проследила. И осознала.
Я убрала ухмылку с лица. Ненавижу свою дурацкую способность ёрничать в те моменты, когда нужно драпать со всех ног.

– Вот и умница, бэби.

Он вышел из кухни, плотно прикрыв за собой дверь. Я же, выждав для надёжности пару секунд, бросилась к окну и дёрнула за шпингалет. Вот засада! Окна в квартире были старые, с деревянными, окрашенными в белый цвет, рамами, и тот мастер-недотёпа, что их когда-то красил, обладал, видимо, натурой весьма щедрой – и сами рамы, и шпингалеты были промазаны таким густым слоем, что приклеились друг к другу намертво. Я чертыхнулась. И что теперь делать? Из кухни мне не выбраться, но, может, удастся проскользнуть в комнату? Там был выход на балкон, а уж им-то наверняка не раз пользовались...

Нет, сегодня Фортуне явно было не до меня. Только я метнулась к двери, как услышала громкие мужские голоса, приближающиеся к кухне.

Еле успела рухнуть на табуретку и схватить в руку чашку.

– Я пока сам ничего не понял... – с этими словами на пороге показался хозяин квартиры. Его взгляд скользнул по моей руке. – А ты не лопнешь, детка?

– А? – моргнула я.

– Тебе своего не хватило, решила мой допить? Или не допить, а плюнуть? Я бы не удивился, ага.

Я опустила глаза на чашку и мысленно простонала. Конечно, впопыхах я схватила не ту посудину, раззява!

– Просто пить очень хочется, – пробормотала я и залихватски прикончила кофе, точнее густую жижу, что оставалась на самом дне. И даже не поморщилась, стойко выдержав его насмешливый взгляд.

– Ну-ну, – хмыкнул он и прошёл вперёд.

За ним материализовался крепкий темноволосый мужчина лет сорока пяти, при виде которого я с ещё большей ясностью осознала, что денёк сегодня – не самый удачный. Фортуна явно мстила мне за что-то!

– Оскар, а это та самая тёлка. Как тебя там, я запомнил...

– Софья, – смогла выдавить я из себя еле слышно.

– Точно! Почти Сонька-золотая ручка, да? – хозяин квартиры хохотнул, но осёкся под напряжённым взглядом нового гостя. – Эй, Оскар, ты чего? Ты её знаешь?!

– Нет, – после долгой паузы, показавшейся мне бесконечной, твёрдо заявил тот, кого назвали Оскаром. – Первый раз вижу.

– Уверен?

– Уверен. Ну, где обещанный кофе?

Не глядя на меня, брюнет обошёл стол и сел с другой стороны, отодвинув табурет как можно дальше от стола. И от меня, соответственно.

– Сейчас всё будет. Сонька, сообразишь ещё пару чашек?

– Я вам не Сонька! – сквозь зубы процедила я.

– Ох, простите, Софья... как тебя по батюшке?

– Просто Софья.

– Простите великодушно, просто Софья! Уж не сочтите за труд, поднимите свою прекрасную зад... пардон, то место, откуда растут ваши не менее прекрасные ножки, и удивите нас ещё раз своим кулинарным искусством! Точнее, меня-то ещё раз, а вот моего славного друга в первый. Я правильно понимаю, Оскар?

– Не фиглярствуй, Шура, – поморщился Оскар.

Вот как, значит, зовут этого типа! Шурик! На мой взгляд, полное несоответствие имени и внешности человека. Но – не я выбирала ему имя.

– Да ладно тебе, Ося, я просто шучу, – хозяин примирительно улыбнулся, а я поняла, что впервые вижу, как он это делает. Должна заметить, что улыбка очень красила его лицо, делая более мягким и добрым даже.

Улыбайтесь, господа, улыбайтесь...

Вообще присутствие дружка подействовало на блондина весьма благоприятно, вот и опасность он уже такую не излучал, как наедине со мною.

– Так уж и быть, сварю вам кофе, – поднялась я, захватив с собой пустые чашки со стола.

– Ваша доброта безгранична, – хмыкнули мне в спину.

Ладно, посмотрим, чьим будет последнее слово! Жаль, яда на кухне не наблюдалось, а то бы с превеликим удовольствием насыпала в чашки обоим, особенно блондину с глупой чёлкой на голове и не менее глупыми мыслями внутри этой головы. Хотя нет, глупцом этот человек не был, конечно. И он мог очень сильно осложнить мою жизнь.

– Надеюсь, ничего лишнего ты нам не подсыплешь, повариха? – словно прочитав мои мысли, усмехнулся Шурик. Да, точно не дурак...

– Надейся, – буркнула я тихо.

– Что ты там бормочешь, красотка?

– Под руку, говорю, не надо советовать, а то и в самом деле что-нибудь просыплется невзначай.

– Я тебе просыплю, убогая!

– Прекратите уже! – негромко, но увесисто припечатал Оскар, и мы с Шуриком заткнулись.

Перед моими глазами опять мелькнули кадры ночных походов. Снегопад, бокал с бордовой жидкостью и песня, снова эта песня...

– Опя-я-ять мете-е-ель, и мается былое в темноте-е-е, опя-я-ять мете-е-ель, две вечности сошлись в один коро-о-откий де-е-ень¹... – фальшиво прогундел Шурик.

Надеюсь, никто из двоих, находящихся сзади, не увидел, как дрогнули мои руки и турка чуть не выскользнула из пальцев. Хорошо, что я стояла к ним спиной!

– Не пой эту песню! – раздражённо бросил Оскар.

– Да она у меня весь день в голове крутится, прикинь? Как утром проснулся, и всё бу-бу-бу да бу-бу-бу. Самого задолбало уже!

– Кофе готов!

Я стукнула чашками об стол и с таким же грохотом водрузила стеклянную сахарницу возле брүнета. Шурик вскинул на меня голову.

– Эй, поосторожней, да? – Он моргнул и замер на несколько секунд задумчиво. Я застыла тоже, кляня себя на чём свет стоит. – Слушай, а мне ты сахар не предлагала.

– Забыла.

– Э, нет, подружка, с памятью у тебя полный ажур. Тут что-то другое, только я никак ухватить не могу, что.

¹ Песня «Опять метель» (сл. Д. Полыевой, муз. К. Меладзе).

Он проследил за рукой Оскара, бросившего в свою чашку шесть кусков рафинада, и нахмурился.

– Я обычно пью с корицей и без сахара, а мой друг любит послаще...

– И что? – я пожала плечами, усаживаясь на табуретку. На всякий случай, на самый её краешек.

– А то! Откуда ты могла об этом знать?

– О чём? Я вас не понимаю.

– Шура, прекрати уже к ней цепляться! Пей, нам ещё дела делать.

– Да ты чё, не понимаешь, Оскар? Сначала она варит мне кофе, добавляет, блин, туда корицу и берёт эту корицу, между прочим, из банки, на которой написано «Соль»! Заметь, человек первый раз в моей хате! А потом...

– Говорю же, остынь. Что-то ты сегодня разговорился.

– Да пойми же...

– Александр! – и таким взглядом чернявый посмотрел на Шурика, что тот умолк, стиснув зубы. Но мнения своего не поменял, я это увидела очень ясно.

Ладно, передышку мне дали, авось, что-нибудь за это время придумаю. Или само рассосётся?

«Не рассосётся», – подтвердил мои сомнения брүнэт, метнувший в меня достаточно красноречивый взгляд.

«А это мы ещё посмотрим!» – подумала я мрачно и отвернулась.

В доме напротив вспыхнул и погас свет в окне. Люди мирно смотрят свои сны, в то время как я сижу тут с этими опасными типами, и никто теперь не сможет дать за мою дальнейшую жизнь ни гроша, ни полушки...

– ...Но ведь всё хорошо закончилось!

– Я не была бы столь категоричной, – невесело хмыкнула я. – Всё, отбой! Завтра поговорим.

– И всё-таки, как тебе удалось оттуда выбраться?

– Зря меня, что ли, в детстве на акробатику водили? – Я широко зевнула. – А теперь спать и желательно без сновидений...

– Ну это уж как получится, – усмехнулись мне в ответ.

– А не заткнуться ли вам?

Глава 2

Пока я заполняла карту, бабуля не торопясь оделась, разгладила жидкие волосёнки и, сложив руки, уселась в ожидании на стул.

– Елизавета Матвеевна, что-нибудь ещё?

– Ась? – она повернула ко мне правое ухо.

– Я говорю, вы что-нибудь ещё хотите у меня спросить?

– Вроде как нет... – ничего не придумав, с сожалением ответила старушка.

– Тогда не буду вас больше задерживать. Результаты анализов будут готовы через неделю, вот тогда и подойдёте ещё раз.

– Ась?

– Я говорю, через неделю приходите! В понедельник!!

– Зачем так кричишь, деточка, я вроде пока не глухая! – поджала губы бабка и с достоинством поднялась, бормоча себе под нос: – Поскорей бы уж Наташа выздоровела...

– Да-да, конечно, – хмыкнула я, вновь утыкаясь в записи. И, не поднимая головы, громко крикнула в открывшуюся дверь: – Следующий!

Бабка вышла, в кабинет прошёл другой пациент, а я продолжала писать. Самым муторным в своей работе я считала эту нудную писанину, которая мне даже по ночам снилась. Вот то ли дело в столичных поликлиниках, где всё давно уже оцифровано, только знай щёлкай себе пальчиками по клавиатуре да вноси нужные данные по шаблону. Впрочем, компьютеры я тоже не особо жаловала...

– Садитесь, – не поднимая глаз, махнула я рукой на стул. – Одну минуточку...

– Да хоть две, я теперь никуда не тороплюсь! – усмехнулся новый посетитель, усаживаясь, и я резко вскинула голову. Шурик, будь он неладен! И как только он меня нашёл?!

– Здравствуйте, дорогая Стрелецкая Софья Павловна!

– И вам не хворать, Шахов Александр Михайлович, – хмуро ответила я.

– Опаньки, – он ещё шире улыбнулся. – Один-один. Неплохо подготовилась, Софья Пална. Но не на пятёрку, согласись?

– Чего тебе надо?

– О, мы уже на «ты»?

– Вас что-то беспокоит, больной? Память, слух, а может, с головной проблемы?

– Ага, беспокоит! – он придвинулся ко мне, я отпрянула. – Вот тут... – глухой удар себя в грудь, – болит! Со вчерашнего дня, после нашей с тобой встречи, дорогая!

– Неужели влюбились, гражданин Шахов А Эм?

– Ага, до беспамятства! – он неприятно осклабился. – Причём так горячо, что даже не помню, как мы с тобой прощались, любимая. А это не хорошо!

– Так давайте исправим эту оплошность, Александр Михалыч. Прощайте!

– Э, нет, так дело не пойдёт! – он вдруг схватил меня за руку и уставился мне в лицо немигающим правым глазом – левый был закрыт чёлкой. Я испугалась. Вот так вколет мне в бок железку, а я даже вздохнуть не успею, не то что на помощь позвать. И когда, среди бела дня, в самый наплыв пациентов!

– Послушай, Шурик, ну что тебе от меня надо, а? Никаких общих дел у нас с тобой нет, дорогу я тебе не переходила, в карман не лезла...

– В карман?! Да я бы тебе тогда шейку твою тощую не раздумывая свернул, как курёнку!

– Ну вот! Я о тебе до вчерашнего дня даже не слышала, правда!

– А вот тут позволь тебе не поверить, детка, – он встряхнул меня, и в животе у меня что-то щёлкнуло. – Я не слепой, и шарики в голове пока по нужной траектории крутятся.

– Но я не вру, честное слово! Впервые я тебя увидела только во сне! Я потому так и удивилась, когда бац – и вдруг ты на меня налетел из этой вашей подворотни! Ночью приснился, а днём, точнее вечером, в реале встретила, кому рассказать – никто не поверит! И я тебе об этом сразу сказала, помнишь? А ты меня вдруг домой потащил... Хотя я ни в чём не виновата!

– Врёшь! Ты сказала, что это ты мне приснилась! А откуда ты могла это знать, убогая?!

– Да я оговорила просто! От растерянности! Как я могла это знать, подумай сам! Это же абсурд какой-то! – в праведном негодовании вскрикнула я, а потом поморгала задумчиво. – А что, правда приснилась?!

– Я уже сам не знаю! Ладно, оставим эту скользкую тему на потом. Откуда ты про корицу узнала?

– Да у меня дома корица тоже в солонке лежит! Это просто совпадение!

– Странное совпадение! А банка с перекисью? Ты даже не сомневалась, где она находится!

– Ну да, потому что у меня перекись тоже в настенном ящике стоит! И я действовала как на автомате! Ну хочешь, сходим ко мне домой, и ты сам всё увидишь!

Как хорошо, что я подготовилась! Как чувствовала...

– А сахар?

– А что сахар? Я же сказала, что просто забыла тебе его положить! Я была в такой растерянности! А когда пришёл твой друг, этот, как его... Остап...

– Оскар!

– Точно, Оскар. К этому моменту я уже немного пришла в себя и смогла нормально исполнить обязанности кухарки, точнее официантки. Сам подумай, зачем мне врать?

– Вот и я думаю – зачем?

– Да незачем! Потому что я говорю правду, одну только правду и ничего кроме правды!

– Софья Павловна?

Дверь неожиданно распахнулась, и Шурик, молниеносно убрав руку с моего запястья, сделал елейное лицо. В кабинет заходила Лидия Тимофеева, наша завотделением и по совместительству моя подруга, с которой мы когда-то учились на одном курсе мединститута. «Железная Лида» – так её прозвали коллеги за жёсткий волевой характер, и только мы, её друзья, знали, какой трепетной и нежной может она быть.

– Да, Лидия Владимировна! – я прокашлялась.

– А что это с вами, вы не заболели? – она окинула меня подозрительным взглядом.

– Нет!

– Да! – одновременно со мной сказал Шурик и улыбнулся Лидке. – Наша драгоценная Софья Павловна плохо себя чувствует, и я бы на вашем месте отпустил её домой лечиться.

– Лечиться? – моргнула Тимофеева. – А кто будет принимать пациентов? Тем более у вас там, драгоценная Софья Павловна, такая очередь выстроилась, просто ужас и кошмар!

– Ужас и кошмар, любезная Лидия Владимировна, – Шурка поднялся и ласково потрепал Лидку по плечу, отчего у той полезли вверх брови, – ужас и кошмар будут тогда, когда Софья Павловна позаражает всех ваших пациентов! А она позаражает, точно вам говорю!

– Заразит, – механически поправила Лидия и перевела недоумённый взгляд на меня.

– Вот и я говорю, заразит, как пить дать! – не отставал Шурик. – Так что надо отпускать доктора, а больных перекинуть на другого врача.

– Не больных, а пациентов! – Тимофеева повысила голос. – И вообще, что вы мне тут указываете, что надо и не надо делать! Занимайтесь лучше своими делами! Софья Павловна, вы уже закончили с...

– С Шаховым Александром Михайловичем? – я нарочно произнесла его имя полностью, чтобы, в случае чего, знали, от чьих рук я пала смертью храбрых. Наша Лидочка ничего не забывает! – Да, закончили!

– Как?! – вскричал Шурик и бухнулся опять на стул. – А моё больное сердце? У меня к вам, доктор, есть ещё парочка очень важных вопросов! Я бы сказал даже – вопросов жизни и смерти!

Вот то-то и оно...

– Ну так задавайте свои вопросы поскорее, в коридоре полно людей, не менее страдающих, чем вы, Александр Михайлович! – Лида вскинула голову. – А вы, Софья Павловна, к концу рабочего дня загляните ко мне, будьте любезны. Тарханов приехал...

– Юра! – вскрикнула я радостно, но осеклась под быстрым взглядом Шахова.

– Работайте, работайте! – Тимофеева процокала каблучками к двери и, уже открыв её, бросила мне напоследок сочувственный взгляд.

Я вздохнула. Боюсь, до конца рабочего дня я могу не дожить...

Глава 3

– ...и эта деваха прокукарекала, как самый настоящий петух, представляете? Нас всех просто разорвало от смеха, а девчонка посмотрела так важно и... Сонь, ну о чём ты всё время думаешь, а?!

– Что? – встрепенулась я и оторвала взгляд от окна.

– Вот тебе и что! Распинаюсь тут перед ней, как павиан, а она... Или ты не рада моему возвращению?

– Рада, Юрочка, ещё как рада...

– У Софьи был сегодня трудный день, – усмехнулась Лидушка. – Видел бы ты только этого пижона, её пациента. Вот уж кто точно настоящий петух, без дураков!

– Что за пациент? – заинтересовался Юрка. – Буйный?

– Не твой клиент, не беспокойся, – хмыкнула я. – Просто внешность у него... примечательная. А так обыкновенный дядька, разве что болтлив не в меру, но за это в психушку не бросают.

– Излишняя болтливость, знаешь, тоже может быть показателем болезни. Так что как знать, как знать... – Тарханов подмигнул мне.

Лидка вздохнула. Она вообще за сегодняшний вечер уже несколько раз менялась в настроении, то бледнела, то краснела, то вдруг начинала хохотать как ненормальная – в пору самой становиться пациенткой психиатра. Впрочем, поведение нашей заведующей объяснялось весьма просто: вот уже много лет Лида Тимофеева была влюблена в талантливейшего парня Юрку Тарханова, бывшего нашего однокурсника и свежеиспечённого заведующего кафедрой психиатрии, что располагалась в отдельном корпусе городской больницы, в поликлинике при которой мы с Лидкой трудились без малого десять лет. Хотя я поменьше, после института меня ещё пару лет помотало по свету... Впрочем, это уже совсем другая история. А что касается истории отношений Лиды и Юрки, то происходила она по прямой, никогда не меняющей свой курс, – Она любила Его, а Он любил Другую. Старо как мир, но от этого не менее болезненно для несчастной влюблённой. Но – Лиду за такое постоянство можно было только уважать. И не только за это. Вот кто ещё, скажите, мог так преданно любить человека, чтобы желать ему счастья с... другой женщиной? И даже своими собственными руками подталкивать эту женщину в раскрытые объятия своего любимого? Я больше таких людей не знаю. Вот где пример самой настоящей самоотверженной любви! И да – мне, как имеющей самое непосредственное отношение к этой истории, есть за что уважать Лидию и даже гордиться дружбой с ней. А ещё где-то в глубине своей души я лелею надежду, что когда-нибудь и сам Тарханов осознает всю глубину Лидкиных чувств и...

Впрочем, сейчас, обнаруживая на себе пылкий взгляд Юркиных зелёных глаз, я понимаю, что моим надеждам не скоро суждено сбыться...

– Девчонки, предлагаю продолжить нашу встречу в более уютной обстановке! Нет, Лидуш, твой кабинет тоже вполне зачётный, но...

– Но здесь не подают шампанского, – улыбнулась Лидка.

– Увы! – Юрка хохотнул. – Так что приглашаю вас отметить моё возвращение в нашем любимом ресторане! Надеюсь, «Молочные реки²» за время моего отсутствия никуда не утекли?

– Наоборот, стали ещё более полноводными, – я усмехнулась. – Там поменялся хозяин...

– Неужели папаша Гройс³ и его к рукам прибрал?

² Подробнее о «Молочных реках» – в повести «Прошу любить и не жаловаться» (прим. автора).

³ Подробнее о папаше Гройсе – в повести «Начинай со своего дома» (прим. автора).

– Врать не стану, не знаю. Может, и прибрал. Да только предыдущий владелец, Валентин Баженов, говорят, поспешно покинул наш город, после какого-то скандала, что ли.

– С Валькой вечно скандалы происходили, дрянной, по правде говоря, был человек. Хотя заведение у него что надо было. Ну, не мне вам рассказывать...

Мы обменялись улыбками. Действительно, в ресторане «Молочные берега» в пору нашей юности было проведено немало радостных часов – впрочем, нерадостных тоже. Оно и понятно, ведь это заведение находилось, да и сейчас находится, на той же улице, что и наш медицинский институт.

– Предлагаю больше не терять ни минуты. Надеюсь, ни у кого самоотвода не будет?

То ли действительно у Лидушки были запланированы на вечер дела, то ли она засекла горящий Юркин взор, брошенный в мою сторону, но ответила она сразу же, не задумываясь ни на секунду:

– Я не смогу, Юр. Мне ещё поработать нужно. Боюсь, не скоро отсюда выберусь...

– Какая работа! – возмутился Юра. – И так вон бледная стала, как моль! Скажи ей, Сонь, разве можно так себя гробить?!

– Действительно, Лидусь, ты как заведующей стала, так тебя теперь с работы не вытащишь! Я давно хотела тебе об этом сказать, да всё случая не было. Спасибо Юрке. Нельзя так, Лид! Не высыпаясь, почти не ешь, совсем отошала, подруга. А себя надо любить, правда, Юрочка?

– Истинная! Это я тебе как доктор психиатрии говорю! Правда, с любовью к самому себе тоже надо не переусердствовать, а то знаете, девчата... Вот был у меня недавно один случай...

– Ну нет!! – рассмеялась Лида. – Уволь меня от твоих сравнений, господин психиатр! И вообще – топайте-ка вы отсюда, дорогие мои, пока я вас метлой не вымела. У меня правда много работы, а вы меня задерживаете! Из-за вас до ночи тут проваландаюсь! Обещаю, в другой раз обязательно вместе посидим, ведь ты у нас теперь надолго, Юр?

– Надеюсь, навсегда! – торжественно провозгласил Юра, отвечая Лидке, но не выпуская меня из своего поля зрения. Лида стойко перенесла пламенный взгляд, направленный не на неё.

– Тем более! – ясно улыбнулась она. – А вы сами сходите, ребята, обязательно! Сонь, ты ведь сможешь?

Ни капли притворства, ни капли ревности не было в её голосе, ну как такое возможно, а? Святая женщина...

– Смогу! – ответила я, хотя в обычных обстоятельствах я бы точно отказалась. Но не сегодня. Сегодня Юрка нужен был мне как никто другой.

– Здорово! – обрадовалась Лидушка, а Тарханов и вовсе просиял ярким солнышком. – Но в следующий раз я с вами, обещаю!

– Договорились, дорогая Лидия Владимировна! – вскочив, Тарханов отвесил Лидке шуточный поклон. – Идём, Софья, не будем отвлекать нашего товарища от работы. До завтра, доктор!

– До завтра! – радостным эхом откликнулась Лидочка.

И долго ещё, пока мы с Юркой шагали по длинному коридору опустевшего отделения, перед моими глазами стояла её улыбка. Никогда, никогда не приблизиться мне, грешной, в своих поступках и помыслах к сияющему благородству этой женщины. Даже если наизнанку вывернуться, даже если перелить себе всю кровь самого невинного ребёнка на земле, даже если заменить все мысли, все надежды, все сны мои...

– Не вздыхай так тяжело, Сонь, – Юра приостановил свой шаг. – Если тебе так уж не хочется со мной идти, я же не настаиваю. Я всё понимаю, Сонь...

– Ну что ты, Юра! – я сжала его пальцы. – Я очень соскучилась по тебе, правда-правда! И в ресторан пойду с удовольствием!

– Ты уверена? – он пытливо заглянул в моё лицо.

– Ещё как!

– Тогда идём скорее! – обрадовался он и перехватил мою руку. – Ты не представляешь, как я сам по тебе соскучился! Каждое утро, просыпаясь в чужой квартире чужой страны, я думал – вот ещё один день без тебя! Каждый вечер я подгонял сон, чтобы поскорее забыться. А ещё чтобы поскорее настал следующий день, который, хоть и чудовищно медленно, но приближал меня к встрече тобой... Я знаю, ты не любишь, когда я говорю об этом. Но я больше не стану говорить, обещаю, просто сейчас... Просто сейчас я страшно рад, понимаешь?

– Понимаю, Юра...

Я крепче ухватилась за его руку, и он, воодушевлённый, стремительно понёсся вперёд, как фрегат, вырвавшийся из ледового заточения и готовый теперь к новым сражениям и подвигам. И я тебе вскоре их предоставлю, мой дорогой Юра, уж это могу обещать наверняка!

Глава 4

– Вот уже целый час этот тип не сводит с тебя наглого взгляда! – Юра повернул было голову направо, но я мягко остановила его рукой.

– Тебе показалось, Юрочка!

– Ага, шаз! Ты ведь знаешь, что мне никогда ничего не кажется! Мне в моей профессии по-другому и нельзя, иначе съедят заживо.

– Смешной ты, доктор... – я провела подушечками пальцев по его щеке, и он тут же перехватил мою руку.

– Соня...

– Что, Юра?

– Ты сегодня какая-то другая... Как будто ближе, что ли... И в то же время неуловимей, чем всегда. У тебя что-то случилось, Сонечка? – взгляд его стал серьезнее и пытливее, а лёгкий хмель от вина совсем пропал.

– Надеюсь, ты спрашиваешь меня не как психиатр, а как друг?

– Я никогда не относился к тебе как врач! – воскликнул он укоризненно. – Как ты могла подумать такое!

– Я пошутила, Юра, не горячись! – примирительно погладила я его по руке. – Хотя иногда у меня возникают некие позывы поговорить с тобой именно как... Впрочем, это всё пустое...

Я сделала большой глоток из бокала и помолчала. Юра выжидающе смотрел на меня. О чём он думал в этот момент? – не знаю...

– А что касается твоего вопроса... Нет, ничего непоправимого пока в моей жизни не случилось, но вот ближайшее будущее не вызывает у меня особого оптимизма.

– И на то есть реальные причины, Соня? Есть какие-то факты, на основе чего ты делаешь такие выводы?

– Факты... – повторила я, раздумывая, насколько я могу продвинуться в своей откровенности перед старым другом. Но старый друг понял мои сомнения по-своему.

– Или всё на уровне чувств или, так сказать, предчувствий? Возможно даже... – взгляд его оживился какой-то мыслью или воспоминанием, – возможно даже тебе снятся, как тебе кажется, пророческие сны?

– Что? – оторопела я.

– Понимаешь, я сейчас исследую одну проблему, связанную как раз со сновидениями. Одному моему пациенту, по его утверждениям, снятся так называемые «вещие сны». Он будто бы предвидит, что случится с ним в будущем. В мнимом будущем, разумеется, и в психиатрии такая патология даже имеет название. Проспективный бред, или бред предвосхищения...

– Вот спасибо за проведённую параллель, – сухо сказала я.

– Ну это же я так, просто для примера рассказал! – опомнился Тарханов. – Я только хотел у тебя уточнить, с чем связаны твои тревоги...

– Ну уж только не с этим твоим проспективным бредом! Мне вообще никогда не снятся сны, понятно?

– Снятся, Соня, снятся, – Юра хоть и смутился, но говорил тем не менее уверенно. – Всем людям снятся сны, только не все, просыпаясь, о них помнят!

– Ну, значит, я как раз не помню! – резко ответила я.

Я уже пожалела о своей откровенности, и проницательный Тарханов, конечно, это сразу понял.

– Соня, прости меня! – он накрыл мою ладонь своею. – Я дурак и несу какой-то бред!

– Проспективный! – хмуро проворчала я.

– Он самый, – Юра расплылся в извиняющейся и такой обаятельной улыбке, что мне тут же стало стыдно за себя. – А всё почему, Соня? Потому что я элементарно переживаю за тебя, вот почему!

– Ладно, проехали! – тряхнула я решительно головой, казня себя за желание всунуть старинного друга в мышеловку вместо себя. Ничего, сама справлюсь, не маленькая. – Ну их, наши бредовые проблемы, давай лучше выпьем!

– Какая здравая мысль! – усмехнулся он и вновь наполнил наши бокалы вином. – Предлагаю тост! За то, чтобы самые наши прекрасные и удивительные сны превращались в подлинную реальность!

– Это довольно опасное пожелание, Юра!

– А и пусть! Главное, чтобы последствия не навредили другим людям, но я уверен, дорогая моя, что ни ты, ни я не желаем никому зла даже в снах! А значит – за воплощённые сновидения!

– За воплощённые сновидения... – эхом откликнулась я, заглушая звоном бокала нервный всполох собственного сердца.

Глава 5

– Опаньки! А что такое? Почему это мы одни, совсем одни? – сидящий на подоконнике выпустил в потолок колечко дыма и весело помотал ногами, обутыми в ярко-белые кроссовки.

– Не твоё дело, – грубо ответила я, тщетно пытаюсь отыскать ключи в сумочке. «Меньше надо пить», – пронеслось в моей гудящей голове.

– Как раз моё, голуба моя.

– Да пошёл ты!

Ключи нашлись, но неловкие пальцы теперь никак не могли нащупать замочную скважину.

– Меньше надо пить, доктор! – Окурок полетел в банку, белые кроссовки протопали ко мне, и ключ, решительно выхваченный из моих рук, мягко вбуравился в тёмную щель. – Прошу!

– Эй, а тебя никто не приглашал!

– И это правильно! – радостно ухнули мне прямо в ухо. – Обычно я сам прихожу, без приглашения. Ну, чего стоишь на пороге? Проходи, хозяйка!

– Хам!

Впрочем, я не долго сопротивлялась. А смысл? Кто я, слабая нетрезвая женщина, против крепкого мужика? Пигалица, которую этот наглец может прихлопнуть, как назойливую мушку.

На кухне горел свет, и это обстоятельство не понравилось моему гостю. Пока я пыталась разуться, покачиваясь из стороны в сторону, он, ступая совершенно бесшумно, обошёл всю квартиру и даже выглянул в каждое из окон, высовываясь наружу чуть ли не целиком. Смешно, ей богу.

– Чего ты хихикаешь, дура?

– Хочу – и хихикаю! – гордо сказала я и, споткнувшись на пороге, ввалилась в гостиную.

Любимый диван принял меня в свои объятия, и на какой-то момент мне даже показалось, что ещё не всё потеряно, что и на моей улице может быть праздник.

Когда кажется, креститься надо...

– Софья Павловна, а, Софья Павловна!

– Чего вам, Александр Михайлович? – я нехотя открыла один глаз. В его руках что-то белело. Что-то очень знакомое. Я моргнула.

– Молодец, с домашним заданием справилась! – он потряс этим белым над ковром, и вниз посыпалась коричневая струйка. – Садись, пять.

– Как ты мне надоел! – я с трудом села, привалившись к спинке дивана, и открыла второй глаз. – Ну, что ты от меня хочешь, а?! Чего тебе надо? – я немного помолчала задумчиво. – Этого? – тут я дёрнула правым плечом, и рукав кофточки сполз набок, оголив мою ключицу.

– Побойся бога, Софья! – в его глазах что-то быстро промелькнуло. Странное что-то. Но я не поняла, что. – Разве я похож на насильника? Или ты согласна отдаться добровольно, так сказать, по зову сердца?

– Не согласная я! – я помотала головой, отчего внутри неё что-то неприятно лязгнуло. Рукав вернулся на своё место.

– Тогда не носи всякий бред!

– Проспективный?

– О, да у тебя уже язык заплетается!

– Сам ты... заплетается! Поставь солонку на место!

– Поставлю, Соня, – он подошёл ко мне, – поставлю. Но только тогда, когда ты мне объяснишь, что происходит! Что происходит, чёрт тебя возьми?!

Последние слова он проорал, приблизившись ко мне вплотную. Я отшатнулась, закрывая уши ладонями.

– Ну?! – чёрные зрачки впились в мои глаза. Я молчала, только дышала тяжело. – Ответь! Кто ты такая и откуда ты взялась в моей жизни?

– Я же уже сказала... Вчера... позавчера... я видела тебя во сне... а потом...

– Это я видел тебя во сне!! А потом ты ходила по моей квартире, как по своей собственной! Хотя я живу в ней всю свою жизнь и ни разу тебя раньше не видел! Ни в квартире, ни где-либо ещё!

– Тебе показалось...

– Что мне показалось? Вот это? – он яростно потряс солонкой перед моим носом, заставив ещё раз отшатнуться в испуге. – Насыпанная сюда недавно корица? Или вот это? – Тут он рывком стянул мой правый рукав и ткнул в плечо железным пальцем. Я чуть не взвыла от боли и скосила вбок глаза. Чёрт побери...

– Или мне это тоже показалось, а?

– Ты о чём? – облизнула я пересохшие губы.

– Об этом пятне, дура! О родимом пятне на твоём плече! Откуда я мог знать, что оно там есть?

– Так я же... только что... сама...

– Я знал это до того, как ты, блин, стриптиз тут устроила!

Солонка полетела на пол, а я затихла, не отводя взгляда от его взбешённых глаз. Однако взял себя в руки он удивительно быстро. Не прошло и минуты, как лицо его расслабилось, а глаза посветлели. А я уж собиралась распрощаться с жизнью...

– Ты мне всё расскажешь, Соня, – убеждённо сказал он и даже позволил себе улыбку, ласковую, как у палача перед казнью. – Тебе ведь самой хочется мне всё рассказать! Ведь правда? Я вижу это по твоим бесовским глазам...

– Я понимаю ещё меньше тебя!

– Так давай разберёмся вместе, дорогая! Я гляжу, ты уже вполне пришла в себя после алкогольных возлияний... Кстати, почему всё-таки твой ухажёр не остался у тебя ночевать? Вы так мило беседовали, как два голубка, встретившиеся после долгой разлуки, и я даже не сомневался, чем дело закончится. Думал, придётся до утра караулить твою дверь. Ан нет, мне повезло!

– Мы действительно давно с Юрой не виделись. Но только твои грязные инсинуации беспочвенны – между нами ничего нет и никогда не было!

– Брось завирать! Я видел, какими глазами он на тебя смотрел!

– Это потому, что он влюблён в меня ещё с института.

– У парня явно плохой вкус!

– Ты удивишься, но я тоже ему это всегда говорила, – усмехнулась я. – Только он почему-то остаётся при своём мнении.

– Не так говорила, значит.

– Хочешь сам ему сказать?

Мы несколько секунд пялились друг на друга. Затем Шурик, криво улыбнувшись, протянул:

– Мы с тобой собачимся как семейная парочка, которая живёт вместе лет сто.

– Вот-вот, – без тени улыбки произнесла я.

– Ты о чём сейчас, а?

– О том же, о чём и ты. О том, что я знаю тебя лет сто, хотя убей бог не помню об этом ни фиги!

Под диваном жалобно скрипнули ножки, когда Шурик подскочил и, отшвырнув ногой солонку, бросился вон из комнаты. Я кинула быстрый взгляд на дальнюю стенку, где висело

зеркало в серебристой овальной раме. Там, в тусклом блеске его изнанки, промелькнула туманная тень.

Значит, меня не бросили, успокоилась я.

И значит, ещё есть шанс всё изменить...

Сон уже совершенно покинул мой организм, и в голове ощущалась лёгкая ясность, которая весьма меня радовала – не надо было тратить силы на подбор правильных слов. Они будто сами выскакивали из моего рта и бойкими стайками разлетались по кухне.

– Всё-таки вкусно очень, – сделала я очередной глоток из чашки. – И чего я сопротивлялась? Надо было сразу тебе доверить варку кофе! И вчера, точнее уже позавчера...

– Не отвлекайся, продолжай! – Шурик нетерпеливо постучал пальцем по вазочке с печеньем.

– Да я уже почти всё рассказала! Сначала я увидела тебя во сне, затем ты появился наяву, ну а когда я попала в твою квартиру, то вдруг поняла, что я как будто уже там бывала... много раз. Всё мне было в ней знакомо: и мебель, и расположение комнат, и даже то, что корица насыпана в банку из-под соли...

– Зачем же ты соврала, сказав, что у тебя дома она тоже в солонке?

– Струсила! – я сделала честные глаза, потому что ведь я действительно говорила правду! – Ты так меня напугал, что мне ничего не оставалось, как подогнать действительность под собственное враньё.

– А почему ты сказала, что всё дело в твоём имени?

– Так это же просто! – я улыбнулась как можно лучезарнее. – Меня зовут Соня, а всем известно, что имя влияет на судьбу и характер человека. Я очень люблю поспать, а ещё... – тут я сделала паузу, достаточно короткую, чтобы не усомниться в искренности моих слов, и умеренно длинную, чтобы поверить в мои колебания их произносить, – ещё, хочешь ты верить или нет, мне иногда снятся вещие сны! И тот сон – беспорное доказательство этому!

– Здравсте, приехали!

– Я же говорю, не хочешь верить, не надо. А только я говорю правду, одну только правду и ничего, кроме правды!

– Где-то я уже это слышал. Похоже, ты частенько любишь приврать, госпожа Стрелецкая! Кстати! – глаза его сверкнули. – А откуда ты мою фамилию узнала, а?

– Кто, я? – я подняла брови.

– Ты, ты, – он даже руки потёр от предвкушения вставить мне как следует. Только не на ту напал! – Когда я зашёл к тебе в кабинет, ты меня наповал сразила своими словами! Как у меня потом из головы вылетел этот факт? Просто непростительная ошибка.

– А, ты об этом! – я небрежно потянулась за печенькой. – Так это просто. Нечего свои документы разбрасывать где попало.

– Какие ещё документы?

– Такие! Ты пиджак куда повесил, когда домой меня приволок?

Я шла ва-банк, чувствуя в себе какое-то вдохновение, может быть даже воспоминание, основанное... А чёрт его знает, на чём основанное!

– На стул в спальне, – пожал он плечами, и тут до него дошло. – Вот засада! А я-то идиот...

– Вот тут я с тобой согласна! – ухмыльнулась я.

– Мы же тебя как раз в спальне заперли, откуда потом ты смылась... А у меня в пиджаке и паспорт, и права...

– Радуйся ещё, что с собой твои бумажки не прихватила! В качестве возмещения морального ущерба! А ведь я могла!

– Эта? Эта могла! Кстати, а как тебе удалось сбежать? Или ты тайный агент разведки, обученный всяким шпионским хитростям? Мы с Оскаром головы сломали, как ты могла спуститься с пятого этажа.

– Как? – в праведном изумлении вскричала я. – Ты так и не понял?

– Неа.

– Так ведь за мной прилетели!

– Кто за тобой прилетел? – офигел он.

– Самый красивый, умный и в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил! Карлсон с пропеллером на попе!

– Вот дура! – сплюнул Шурик, а я громко расхохоталась. Но не долго пришлось мне смеяться. Только до следующего его вопроса, заданного мрачным тоном.

– Значит, мне теперь тоже стали сниться вещие сны?

Я поперхнулась смехом и замолчала.

– Удивительная история, не так ли? – продолжал он. – Нам с тобой одновременно снится сон с участием нас обоих, причём ни ты, ни я раньше друг друга никогда не видели. Ты не находишь это странным?

– Так это правда? Я действительно тебе снилась в ту самую ночь? А я-то думала, что ты пошутил...

– Какие уж тут шутки! Мне снилась ты и ещё какие-то люди, и будто бы мы все находились на кладбище, перед нами раскрытая могила, а рядом с ней на какой-то подставке стоял открытый гроб, в котором лежал... – тут Шурик слегка побледнел, но продолжил: – ...лежал мертвец с лицом Оскара. Я не сразу его узнал, белое лицо это всё время менялось, плыло, как будто никак не желая вырисовываться в конкретные черты. Но самая главная странность заключалась не в этом. А в том, что одновременно Оскар, совершенно живёхонький, стоял со мной рядом! И смотрел на своего двойника с не меньшим ужасом, чем я. Я помню жуткий холод, снежная метель свистела в ушах, и у всех, кто окружал нас, да и у нас самих в руках находились бокалы с красной жидкостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.